

Тайна Лины Грин

Антон Смирнов

18+

Антон Смирнов

Тайна Лины Грин

<https://litres.ru/74584419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Творческие муки терзают Джеймса Хэвбрука, молодого, но уже подающего большие надежды писателя. Вдохновение, словно ускользающий призрак, покинуло его. В поисках спасения от писательского застоя, он уезжает в уединенный провинциальный городок, притаившийся в тени Нью-Йорка. Там, среди пыльных страниц прошлого, он находит таинственный дневник. Его автор, с пугающей откровенностью, повествует об убийстве девушки по имени Лина Грин.

Обнаруженный дневник становится для Джеймса не только источником нового вдохновения, но и мощным стимулом. Он решает докопаться до истины, найти убийцу, чье преступление десятилетиями оставалось безнаказанным. Невероятный лабиринт загадок и совпадений ведет его к неожиданным открытиям. Джеймс узнает кем является автор дневника, написанного двадцать лет назад, и обнаруживает, что за одним убийством скрывается еще одно. Развязка оказывается для него ошеломляющей, но главное – в его новом бестселлере, наконец, поставлена точка.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Антон Смирнов

Тайна Лины Грин

Глава

Смирнов Антон

Тайна Лины Грин

Моей маме, жене и дочкам

Пролог

2002 год

Дождь хлестал по асфальту, превращая огни ночного города в размытые неоновые пятна.

— Быстрее! Он уходит на запад, к старым кварталам! — голос офицера сорвался на хрип.

— Черт, он движется очень быстро! — отозвался напарник, тяжело дыша.

— Куда он делся? Только что был здесь!

Беглец, чье дыхание превращалось в рваные облака пара, нырнул в узкий проем между зданиями. Его ботинки глухо стучали по мокрому бетону. Впереди показался фасад го-

родской библиотеки — массивное здание с колоннами, напоминающее склеп. Он ввалился внутрь, едва не сбив с ног библиотекаря.

Старик в очках с толстыми линзами замер, глядя на гостя поверх газеты. В этот момент снаружи послышались тяжелые шаги и окрики полицейских. Беглец вжался в стеллаж, затаив дыхание. Библиотекарь медленно перевел взгляд на дверь, затем на мужчину, но не произнес ни слова.

Когда топот стих, беглец выпрямился. Его руки дрожали, но взгляд оставался холодным и расчетливым.

— Мне нужно спрятать это, — прошептал он, указывая на сверток под плащом. — Я вернусь. Вы поможете мне?

Библиотекарь молча кивнул, жестом приглашая следовать за собой. Они прошли через лабиринт книжных полок в дальний зал, где воздух был пропитан запахом старой бумаги и пыли.

— Здесь частная коллекция, — голос старика звучал как шорох сухих страниц. — Сюда не заходят даже уборщики.

Мужчина развернул полотенце. Внутри лежала книга в переплете из темной кожи.

— В целях безопасности, — библиотекарь отступил в тень, — я не хочу знать, где именно вы ее оставите.

Он развернулся и ушел, оставив незнакомца в тишине, которая казалась почти осязаемой.

Исчезновение Маркуса Питерса

1976 год

Старый «Кадиллак Де Виль» мягко урчал, разрезая ночную тишину пригорода. Маркус Питерс, молодой человек с вечно встрепанными волосами и авантюрным блеском в глазах, откинулся на сиденье, глядя на Кэтрин. Она была напряжена: пальцы до хруста сжимали руль, а взгляд метался по зеркалам заднего вида.

— Залезай, Маркус. Быстрее, — бросила она, едва дождавшись, пока он захлопнет дверь.

— Кэтрин? Ты выглядишь так, будто увидела призрака. Я рад тебя видеть, но...

— Просто покатаемся, — перебила она, резко выкручивая руль. — Нам нужно уехать из города.

Маркус хотел пошутить, но осекся. Сзади, из темноты, вынырнули две яркие точки. Кто-то настойчиво моргал дальним светом, слепя их через зеркало.

— Что за черт? — Маркус обернулся. — Кто это?

— Маркус, я боюсь, — голос Кэтрин дрогнул.

Она вдавила педаль газа в пол, мотор взревел, как раненый зверь. Стрелка спидометра поползла вверх, но преследователь не отставал. Он словно приклеился к их бамперу, нагло и методично сокращая дистанцию.

— Кэтрин, прибавь газу! — крикнул Маркус, вцепившись в дверную ручку. Его сердце колотилось где-то в горле, перекрывая шум ветра, врывающегося в приоткрытое окно.

— Я не могу! — вскрикнула она. Ее лицо, освещенное лишь тусклым светом приборной панели, казалось маской из воска.

— Они не хотят нас обогнать, Маркус! Они хотят нас столкнуть!

Наши дни

2024 год.

Меня зовут Джеймс Хэвбрук. Сегодня мое имя красуется на обложках бестселлеров, а банковский счет позволяет не задумываться о завтрашнем дне. Издатели обивают пороги моего дома, умоляя о контракте, а критики называют меня «голосом поколения». Но еще год назад я был лишь тенью человека — неудачником, чья жизнь трещала по швам, как дешевый переплет.

Все началось летом 2023-го, в душном, пропахшем гарью и отчаянием Нью-Йорке.

Я работал в «Нью Лайф» — журнале, который когда-то считался интеллектуальным маяком, а теперь превратился в свалку посредственных рецензий и графоманских рассказов. Мои собственные тексты стали сухими, безжизненными, словно выжатый лимон. Вдохновение не просто ушло — оно сбежало, оставив после себя лишь пустоту и раздражение.

Кабинет Роберта Уилсона, главного редактора, всегда казался мне святилищем. Тяжелые дубовые панели, запах до-

рогого табака и бесконечные стеллажи книг, которые он знал наизусть. Роберт был человеком старой закалки: безупречный костюм, седина, уложенная волосок к волоску, и взгляд, который проникал под кожу, словно скальпель. В свои шестьдесят он сохранил пугающую харизму, перед которой пасовали даже самые амбициозные студентки.

— Ты в тупике, Джеймс, — его голос прозвучал как приговор. Он не смотрел на меня, изучая что-то в окне, за которым плавился от жары Манхэттен.

— Ты меня увольняешь? — я вскочил, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Роберт, я был лучшим! Да, кризис, но ты не имеешь права...

— Сядь, — он наконец повернулся. В его глазах не было злости, только холодная, почти отеческая жалость. — Я не увольняю тебя. Я даю тебе шанс не превратиться в литературный труп. Уходи в отпуск. Найди историю, от которой у меня перехватит дыхание, или не возвращайся вовсе.

— Это творческий отпуск? — я попытался ухватиться за эту соломинку, хотя внутри все горело от унижения.

— Будем считать так. Иди, Хэвбрук. Подумай, что в тебе осталось настоящего.

Я вышел из редакции, чувствуя, как город давит на плечи. Нью-Йорк в тот вечер казался лабиринтом, из которого нет выхода. Я забрел в первый попавшийся бар на окраине Гринвич-Виллидж. Полумрак, запах дешевого виски и липкая стойка — идеальное место для того, чтобы похоронить

остатки самоуважения.

К девяти вечера виски окончательно размыл границы реальности. В голове пульсировала одна мысль: Лиза. Наши отношения давно превратились в холодную войну, где каждый из нас ждал, кто первым нанесет решающий удар.

Когда я вошел в квартиру, воздух в ней казался наэлектризованным. Лиза стояла у окна, скрестив руки на груди. Ее силуэт в свете неоновой вывески снаружи казался острым, почти хищным.

— Где ты шляешься? — ее голос был сухим, как треск ломающейся ветки.

— Был в баре. Меня уволили, — соврал я, хотя в глубине души хотел, чтобы это стало правдой. Чтобы хоть что-то в моей жизни наконец-то закончилось окончательно.

Лиза медленно обернулась. В ее глазах, обычно теплых, сейчас застыл лед. Она не выглядела удивленной — скорее, разочарованной, как учитель, который в сотый раз видит одну и ту же ошибку в тетради безнадежного ученика.

— В этом весь ты, Джеймс, — она горько усмехнулась, и этот звук ударил сильнее, чем любая пощечина. — Неудачник, который топит свою никчемность в стакане, вместо того чтобы признать: ты просто посредственность.

— Спасибо за сеанс психоанализа, — я почувствовал, как внутри закипает ядовитая смесь алкоголя и застарелой обиды. — Мне как раз не хватало твоего «экспертного» мнения.

— Нам стоит расстаться, — она произнесла это буднично,

словно обсуждала погоду. — Я хотела сказать раньше, но сегодня ты перешел черту. Я ухожу. И не пытайся меня остановить — у тебя все равно не хватит на это духу.

— Хорошо, — ответил я, чувствуя странное, почти пугающее облегчение. — Уходи.

Слезы застилали ей глаза, но она не проронила ни звука. Подхватив сумку, Лиза гордо перешагнула порог моего дома. Дверь захлопнулась, отрезая её от моей жизни навсегда. И, честно говоря, это было к лучшему. Лиза всегда была лишь красивой куклой, чья привязанность измерялась нулями на банковском счете и престижем, который я мог ей обеспечить в начале своей карьеры. Когда деньги закончились, закончилась и «любовь».

Я остался один в пустой квартире, где каждый предмет — от недопитой чашки кофе до забытой на столе книги — кричал о нашем общем прошлом. Тишина давила на уши. Я подошел к окну. Нью-Йорк внизу жил своей жизнью: гудели машины, спешили куда-то люди, не подозревая, что где-то сверху старого дома рухнул целый мир.

Я снова налил себе виски. Рука дрожала. Взгляд упал на старый блокнот, который я бросил на полку еще полгода назад. На обложке, покрытой слоем пыли, виднелось пятно от чернил. Я открыл его на случайной странице. Там была лишь одна фраза, написанная моим почерком, которую я не помнил: *«Самые страшные преступления совершаются не из ненависти, а из желания быть услышанным».*

Мне нужно было сбежать. Бешеный ритм Нью-Йорка высасывал из меня остатки рассудка. Я задышался в смоге, в бесконечном гуле машин и фальшивых улыбках людей, которые всегда чего-то от тебя хотели. Мне требовалась тишина. Настоящая, звенящая тишина, от которой начинает гудеть в ушах.

Я вспомнил о Лингфилде.

Пять тысяч жителей, затерянных в густых лесах веймута-вой сосны где-то в нескольких часах езды от штата. Городок, который застрял в прошлом, как муха в янтаре. В детстве я проводил там каждое лето у бабушки с дедушкой. Тогда он казался мне уютным убежищем, но сейчас, спустя годы, я чувствовал к нему странное, почти болезненное влечение.

Я бросил в багажник своего «Рейндж Ровера» пару сумок и выехал из города. Три часа пути пролетели как в тумане. Высотки сменялись пригородами, а те — бесконечной зеленой стеной леса. Чем ближе я подъезжал к Лингфилду, тем сильнее менялось небо: оно становилось тяжелым, свинцовым.

Лингфилд встретил меня настороженным молчанием. Здесь время текло иначе. Местные жители — сплоченная община, где каждый знает, во сколько ты лег спать и что ел на завтрак — провожали мой внедорожник тяжелыми, немигающими взглядами. Для них я был чужаком, несмотря на то что здесь вырос мой отец.

Я притормозил у старой закуской на въезде. Вывеска

жалобно скрипела на ветру. Когда-то мы с дедом сидели здесь за липким столиком, уплетая бургеры, которые казались мне тогда лучшей едой на свете. Теперь же запах пережаренного масла вызывал лишь тошноту.

Я вышел из машины. Воздух здесь был другим — влажным, пропитанным хвоей и чем-то еще, едва уловимым. Гнилью? Или просто сырой землей?

— Джеймс? — раздался хриплый голос за спиной.

Я обернулся. На крыльце закусочной стоял старик в засаленной кепке. Его глаза, выцветшие от старости, впились в меня с пугающей пронизательностью.

— Хэвбрук, верно? — он сплюнул на асфальт. — Давно тебя не видели. Твой дом на озере... он ведь пустует с тех пор, как старики ушли. Ты уверен, что хочешь туда вернуться?

Я замер. Откуда он знал, что я еду именно туда? Я не общал об этом никому.

— Просто решил навестить старые места, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Старик лишь усмехнулся, обнажив редкие зубы.

— Старые места имеют привычку хранить старые секреты, сынок. Надеюсь, ты готов к тому, что они захотят с тобой поделиться.

Он развернулся и скрылся в дверях закусочной, оставив меня стоять на парковке под тяжелым, давящим небом.

Я стоял, чувствуя, как холодный пот проступает между

лопаток. В Нью-Йорке я привык к тому, что люди смотрят сквозь тебя, но здесь, в Лингфилде, каждый взгляд ощущался как физическое прикосновение — липкое, неприятное, словно паутина, которую невозможно стряхнуть.

Я сел обратно в машину, но заводить двигатель не спешил. Взгляд упал на зеркало заднего вида. В отражении я увидел не того успешного писателя и журналиста, каким привык себя считать, а изможденного мужчину с серыми кругами под глазами и нервным тиком в уголке рта. Лиза была права: я стал одержим контролем, и этот контроль начал трещать по швам.

Тяжело выдохнув, я все же вышел из машины и решил перекусить.

На пороге меня встретила миловидная девушка лет двадцати. Белокурые волосы, изящная фигура, подчеркнутая униформой, и искренняя улыбка — она предложила мне столик у окна, и я с радостью согласился.

— Чем вас угостить? — спросила она.

— Для начала кофе и пару сэндвичей, — ответил я.

— У нас отменная лазанья, — добавила она. — Меня зовут Марси.

— Спасибо, Марси, — улыбнулся я. — Несите лазанью.

— Вы к нам проездом или надолго?

— Скорее в гости. Решил сменить обстановку и пожить здесь какое-то время.

— Отлично! Думаю, мы подружимся — почти весь горо-

док заходит к нам. Как я могу к вам обращаться?

— Джеймс Хэвбрук. Мои бабушка и дедушка жили здесь, я часто бывал у них в детстве. Возможно, мы даже виделись. Был бы рад, если бы вы составили мне компанию и провели экскурсию по Лингфилду.

Марси смущенно улыбнулась и поспешила к стойке. Через пару минут она принесла кофе и сэндвичи, предупредив, что лазанью придется немного подождать.

— Ничего страшного, — пожал плечами я.

— Чем вы занимаетесь, мистер Хэвбрук? — спросила она, когда я допивал кофе.

— Я писатель, — ответил я, глядя в окно, где за стеклом сгущались сумерки. — Ищу вдохновение.

— О, здесь вы его найдете, — она наклонилась ближе, и я почувствовал странный запах — смесь полевых цветов и чего-то металлического, похожего на кровь. — Лингфилд любит истории. Особенно те, что заканчиваются... неожиданно.

— Марси, лазанья готова! — донеслось с кухни.

Она убежала за заказом, а я принялся за еду. Вкус был простым, по-настоящему домашним — в мегаполисе такого не найти. Сытый и довольный, я оставил щедрые чаевые и вышел на улицу. Пора было ехать к озеру и наконец обустроиваться в доме.

Дом бабушки находился в трех милях от центра, в глубине соснового бора. Дорога к нему заросла высокой, пожухлой

травой, которая скребла по днищу внедорожника, издавая звук, похожий на шепот. Когда я наконец заглушил мотор, тишина обрушилась на меня свинцовой плитой.

Дом выглядел так, будто замер в ожидании. Краска на ставнях облупилась, обнажая серую, изъеденную временем древесину. Я поднялся на крыльцо, и каждая ступенька отозвалась жалобным стоном. Ключ, который я хранил в бардачке все эти годы, с трудом поддался ржавому замку.

Внутри пахло пылью, сухими травами и чем-то сладковато-приторным, напоминающим запах увядающих цветов на похоронах. Я прошел в гостиную. Мебель была накрыта белыми чехлами, которые в полумраке напоминали застывшие фигуры людей.

Я подошел к камину. На каминной полке стояла фотография в тяжелой серебряной рамке: я, десятилетний, с широкой улыбкой, и дед, чья рука тяжело лежит на моем плече. Но что-то было не так. Я отчетливо помнил, что в детстве дед всегда смотрел на меня с гордостью. Сейчас же, в тусклом свете пробивающегося сквозь щели ставней солнца, его взгляд казался осуждающим.

Я прошел на кухню, и сердце болезненно сжалось. Казалось, стоит мне закрыть глаза, как пространство наполнится забытыми ароматами: сладковатым запахом ванили и горячего теста. Я почти видел, как бабушка ловко переворачивает золотистые панкейки, а дед, уютно устроившись в углу за столом, шуршит страницами утренней газеты, поверх кото-

рой поглядывает на меня с доброй улыбкой. Здесь всё осталось нетронутым: та же выщербленная керамическая плитка, тот же медный чайник, который когда-то казался мне огромным.

Я решил, что этот вечер принадлежит прошлому. Разжег камин, наблюдая, как сухие поленья неохотно, а затем всё увереннее начинают трещать, наполняя комнату живым светом. С бокалом виски в руке я опустился в кресло и нащупал на полке старый кожаный альбом. Страницы пахли старой бумагой и уютом. На снимках — молодые бабушка и дедушка: их глаза сияли такой искренней, почти ослепительной любовью, что мне на мгновение стало трудно дышать. Горькое осознание того, что эти люди остались лишь на глянцевых карточках, накрыло меня с головой.

Я зажмурился, отгоняя непрошеные слезы, и сделал глубокий вдох. Нужно было возвращаться в реальность. Смахнув с альбома невидимую пылинку, я отставил бокал и принялся за работу — разбирать вещи, которые хранили в себе целую жизнь.

Освоившись в новом жилище, я решил прогуляться по городку. Было в этом месте что-то притягательное: уютные улочки, словно сошедшие со старых открыток, и витрины крошечных лавок, манящие теплым светом. Город казался почти стерильным — ни соринки, ни окурка на мостовой, будто жители здесь боялись нарушить какой-то негласный

порядок. Воздух, пропитанный ароматом хвои и влажной земли, казался непривычно густым, а небо, затянутое низкой серой дымкой, давило на плечи, обещая скорый дождь.

Я бродил без цели, впитывая тишину, которая здесь была почти осязаемой. В голове мелькали мысли о поиске вдохновения: я заметил старый полицейский участок, выкрашенный в белую краску и несколько тупиковых переулков, от которых веяло странным спокойствием.

В очередной раз свернув за угол, я замер. Передо мной, словно вынырнув из густого тумана, выросло здание. Оно казалось чужеродным в этом опрятном городке: узкие, вытянутые вверх окна напоминали прищуренные глаза, а архитектура, несмотря на недавнюю реставрацию, сохранила тяжелый, давящий дух прошлого. На фасаде, едва заметная в сумерках, тускло поблескивала медная табличка: «ЧАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА».

В детстве книги казались мне скучными, но сейчас, глядя на массивную дубовую дверь, я ощутил странный укол déjà vu. Будто я уже стоял здесь когда-то, в другой жизни, и знал, что скрывается за этим порогом. Я потянул за холодную металлическую ручку. Дверь поддалась подозрительно легко, издав протяжный, почти жалобный скрип.

Внутри меня встретил полумрак и плотный запах старой бумаги, смешанный с чем-то неуловимо сладковатым. В глубине холла, за высокой конторкой, сидел библиотекарь. Его фигура, сгорбленная и неподвижная, казалась частью инте-

рьера, а глаза, скрытые за стеклами очков, смотрели на меня с таким вниманием, будто он ждал моего прихода уже много лет.

— Добрый вечер, — голос библиотекаря прозвучал неожиданно мягко, словно он возник из самой тени стеллажей.

Я вздрогнул, оглядываясь. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке, а бесконечные ряды полок, уходящие вглубь, напоминали лабиринт, выстроенный из забытых историй.

— Добрый... — я запнулся, поправляя воротник пальто. — Простите. Я писатель. В последнее время дела идут неважно, творческий кризис, знаете ли... Ищу что-то, что могло бы меня... встряхнуть.

Мужчина за стойкой едва заметно улыбнулся, даже не подняв глаз от гроссбуха.

— Вы из Нью-Йорка, верно?

Я замер.

— Откуда вы... Я приехал всего пару часов назад.

— В этом городке новости распространяются быстрее, чем пыль оседает на полках, — он наконец посмотрел на меня. Его глаза казались неестественно светлыми в тусклом свете ламп. — Здесь трудно сохранить анонимность.

— Пожалуй, вы правы, — пробормотал я, чувствуя себя неуютно под его пристальным взглядом.

— Осматривайтесь, сколько душе угодно, — он жестом

указал на бесконечные коридоры книг. — Если решите что-то взять, я оформлю формуляр. Но учтите: библиотека частная, доступ к фондам платный.

— Понял. Спасибо.

— Ищете что-то конкретное? — он подался вперед, и свет лампы выхватил резкие черты его лица. — Или просто блуждаете в поисках вдохновения?

— Пока не знаю. Просто присматриваюсь.

Библиотекарь медленно закрыл книгу. Звук захлопнувшейся книги эхом разнесся по залу, как выстрел.

— Раньше у нас был зал частных коллекций. Люди приносили сюда свои дневники, записи, редкие фолианты — всё, что боялись потерять или выставить на всеобщее обозрение. Долгое время вход туда был заказан всем, кроме владельцев. Но время идет, арендаторы перестали платить, а по условиям договора всё перешло в нашу собственность. Теперь эти тайны... принадлежат нам.

Он вышел из-за стойки, и его шаги по скрипучему паркету показались мне слишком тяжелыми.

— В левом крыле. Пойдемте, я покажу.

— Вы умеете заинтриговать, — признался я, следуя за ним вглубь библиотеки, где воздух становился холоднее. — В Нью-Йорке такое невозможно. Там даже если за аренду не платят годами, приватность — это святое. Да и желающих порыться в чужих секретах там всегда хватает.

— Нью-Йорк — это шум, — тихо ответил он, не оборо-

чиваясь. — А здесь... здесь книги умеют ждать.

Зал библиотеки встретил меня тишиной, пропитанной запахом старой пыли. Майк, местный библиотekarь, семенил впереди. Это был сухопарый старик с копной седых волос, которые, казалось, жили своей жизнью, и впалыми щеками, изрезанными глубокими морщинами. Несмотря на почтенный возраст, двигался он на удивление легко, почти бесшумно, словно опасался потревожить покой своих подопечных — книг. Проводив меня до нужного ряда, он коротко кивнул и, не проронив ни слова, растворился в полумраке стеллажей.

Я остался один. Взгляд скользил по корешкам, уходящим под самый потолок. Ничего примечательного: стандартный набор классики, подарочные издания в кожаных переплетах — всё это казалось мне сейчас пресным и скучным. Я лениво перечислял про себя имена: Гюго, Хемингуэй, Блейк, Достоевский...

Вдруг мой взгляд зацепился за толстенный том, сиротливо стоявший на нижней полке. На его корешке не было ни названия, ни автора. «Неужели кто-то засунул сюда "Войну и мир" без опознавательных знаков?» — подумал я, протягивая руку.

В тот момент, когда пальцы коснулись шершавого переплета, где-то в глубине стеллажа что-то глухо стукнуло о пол. Я обернулся. На полу, в тени, лежал странный сверток, обернутый в пожелтевшее от времени полотенце. Любопытство,

острое и внезапное, кольнуло под ребрами. Я опустил на корточки и осторожно развернул ткань.

Внутри оказалась книга в простом, потрепанном кожаном переплете. Никаких тиснений, никаких надписей. Я открыл её наугад и замер: это был не роман. Мелкий, нервный почерк заполнял страницы до самых краев. Дневник.

Я пробежал глазами по строчкам, и сердце пропустило удар. Слово «убийство» повторялось на странице несколько раз, словно навязчивый рефрен. На губах сама собой появилась кривая усмешка. Не от жестокости, нет — от осознания того, что я только что наткнулся на нечто куда более захватывающее, чем любая школьная программа.

Однако я понимал: такая находка — это «неучтенка». Майк, с его въедливым взглядом, вряд ли позволил бы вынести из библиотеки вещь, которой нет в реестре. Решение пришло мгновенно. Я быстро сунул дневник за пазуху, а на его место, чтобы не оставлять пустоту, поставил тот самый безымянный том.

Я открыл его — и правда, «Война и мир». Толстой. Идеальное прикрытие для чужих тайн.

Майк оформил формуляр и небрежно записал данные книги. Я внёс задаток, обязавшись вернуть экземпляр через месяц и доплатить ещё тридцать долларов. В случае просрочки сумма удваивалась. Впрочем, мне было глубоко плевать на эти условия: я был готов вернуть книгу хоть сейчас. В кармане моего пиджака лежало нечто куда более интригу-

ющее. Но я не подал виду.

— Спасибо, увидимся, — бросил я на прощание.

— Всего доброго, — отозвался Майк, даже не подняв головы от бумаг.

От нахлынувшего волнения в желудке предательски засосало. Я решил направиться в ту самую закусочную, где завтракал утром.

— Снова решили заглянуть на ужин? — Марси встретила меня той же приветливой улыбкой.

— Да, проголодался до смерти, — признался я, оглядывая уютный зал. — Сам не заметил, как аппетит разыгрался.

— Отлично. Надеюсь, теперь вы станете нашим постоянным клиентом, — она лукаво прищурилась.

— Если это возможно, — я не смог сдержать ответной улыбки.

— Что вам принести?

— Полагаюсь на ваш вкус. Я вам доверяю.

— Договорились! Пока готовлю, принесу кофе, чтобы ожидание не тянулось так долго.

Она упорхнула на кухню, а я, прихлёбывая горячий кофе, уставился в тёмное окно. Мысли путались. Может, этот дневник — чья-то глупая шутка? Но его так старательно прятали... Значит, он имеет значение. Любопытство жгло изнутри, и, не выдержав, я решил заглянуть внутрь и прочесть хотя бы пару записей.

3 июня 2002 года

Я никогда не думал, что в Лингфилде может случиться нечто подобное. Она была мне близким другом — не в том, пошлом смысле, а в самом чистом, платоническом. Она была для меня целым миром, а теперь её нет. Эта пустота сковала не только тело, но и саму душу, превратив каждый мой вдох в пытку. Я бесконечно прокручиваю в голове тот проклятый день, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку, но всё тщетно. Прошло две недели, а я всё так же сижу над записями, надеясь, что ответ выпрыгнет из строк. Но это тупик. Глухой, непроглядный тупик.

Лина, я обещаю тебе: я докопаюсь до правды. Чего бы мне это ни стоило.

— Ваш заказ!

Я вздрогнул, вырванный из оцепенения. Оказалось, я настолько глубоко ушел в чтение, что перестал замечать реальность вокруг. Официантка стояла совсем рядом, с любопытством поглядывая на старый блокнот в моих руках.

— Спасибо, — буркнул я, стараясь скрыть раздражение.

— Приятного аппетита! Если что-то понадобится — только скажите, я мигом, — пропела она, но её голос доносился словно сквозь толщу воды.

— Ага, — бросил я, даже не взглянув на неё.

Что это было? Кто оставил эти строки? Вопросы роились в голове, как потревоженный улей. Я чувствовал, как внутри нарастает тревога — липкая, холодная, почти осязаемая опасность. Аппетит пропал мгновенно, словно его и не бы-

ло. Бросив на стол купюры с щедрыми чаевыми, я почти выбежал из кафе, чувствуя на затылке чей-то пристальный взгляд.

Домой я буквально влетел, захлопнув дверь на все замки. С размаху рухнув на диван, я дрожащими пальцами коснулся обложки дневника. Глубоко вдохнув, я осторожно перевернул первую страницу и начал читать, погружаясь в чужую, полную боли тайну.

Дневник Х.Х.

3 июня 2002 года

Я никогда не думал, что в Лингфилде может случиться нечто подобное. Она была мне близким другом — не в том, пошлом смысле, а в самом чистом, платоническом. Она была для меня целым миром, а теперь её нет. Эта пустота сковала не только тело, но и саму душу, превратив каждый мой вдох в пытку. Я бесконечно прокручиваю в голове тот проклятый день, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку, но всё тщетно. Прошло две недели, а я всё так же сижу над записями, надеясь, что ответ выпрыгнет из строк. Но это тупик. Глухой, непроглядный тупик.

Лина, я обещаю тебе: я докопаюсь до правды. Чего бы мне это ни стоило.

7 июня 2002 года

Вчера приходила полиция. У меня возникло неприятное

ощущение, что они подозревают меня в её убийстве. Пока это был лишь предварительный разговор, но я уверен: они придут снова.

10 июня 2002 года

Мои попытки докопаться до правды осложняются тем, что я почти ничего не знаю о деталях дела. Известно лишь, что тело нашли на пляже. Она была застрелена, других следов нет, улик — якобы тоже. Но если бы это был несчастный случай, полиция не проявляла бы такого интереса. Здесь явно что-то скрывают. Нужно понять, как получить доступ к материалам следствия.

12 июня 2002 года

Я познакомился с человеком, который может мне помочь. Его зовут Эдвард. Мы быстро нашли общий язык, к тому же он знал Лину. Это первая зацепка за долгое время — по сути, единственная.

Мы встретились в местном баре. Он сам подошел ко мне и заговорил о ней. Сначала это показалось мне подозрительным, но, понимая, что зашел в тупик, я решил рискнуть. Мы проговорили несколько часов. Эдвард рассказал, что был знаком с Линой еще со времен университета и иногда помогал ей с проектами. Как и я, Лина была журналистом. Эдвард тоже выбрал этот путь и приехал в Лингфилд, как только узнал о трагедии.

Что я имею на данный момент? Лину определенно убили — это не был несчастный случай. Я уверен, что дело в её

работе. Мы тесно сотрудничали, и я был в курсе некоторых её тем. Теперь моя задача — найти её записи и понять, кому именно она перешла дорогу.

20 июня 2002 года

Боже, мне пришлось пойти на преступление, чтобы раздобыть записи Лины, но оно того стоило. Кажется, я нашел ключ к тому, что с ней случилось. Полиция — а может, и не только они — давно перевернула дом Лины вверх дном, но о ее тайнике не знал никто. Кроме меня.

В кабинете, под половицами, у нее была спрятана небольшая ниша. Лина когда-то шутила: «Если со мной что-то случится, ты знаешь, где искать улики». Сейчас эта фраза уже не кажется шуткой. В записях она подробно описывала исчезновение, произошедшее весной 1976 года. К ним прилагались газетные вырезки того времени.

Пропавшего звали Маркус Питерс. Ему было всего семнадцать — совсем мальчишка. Обстоятельства дела выглядят странно: тело не нашли, в доме не было ни единой зацепки, а город он не покидал. Значит, он все еще был здесь. Но где? Спустя время его тело обнаружили на выезде из Лингфилда.

ВЫРЕЗКА ИЗ ГАЗЕТЫ

Выпуск от 16 апреля 1976 г. Журналист: К. Брэнсон
Полиция разыскивает Маркуса Питерса, пропавшего 16

апреля 1976 года. Подробности дела пока не разглашаются, однако вызывает подозрение тот факт, что молодой человек перестал выходить на связь, хотя, по данным следствия, город он не покидал. Подробности — в вечернем выпуске.

ВЫРЕЗКА ИЗ ГАЗЕТЫ

Выпуск от 18 апреля 1976 г. Журналист: К. Брэнсон

Родители и друзья Маркуса Питерса просят всех, кто владеет какой-либо информацией, незамедлительно сообщить в полицию. Напоминаем: 16 апреля 1976 года Маркус Питерс исчез из собственной комнаты, и до сих пор его местонахождение остается неизвестным.

ВЫРЕЗКА ИЗ ГАЗЕТЫ

19 апреля 1976 года

Сегодня утром на шоссе 95, ведущем в Нью-Йорк, близ выезда из Лингфилда, было обнаружено тело пропавшего Маркуса Питерса. Родители мальчика потрясены и не могут объяснить, как их сын оказался один на оживленной трассе. В городе объявлен траур.

Журналист: Брэнсон К.

21 июня 2002 года

Я побывал в доме Лины. Похоже, за ним никто не следит, но среди бумаг я нашел лишь газетные вырезки да страничный листок с записями, которые еще предстоит расшифровать:

Заметки Лины Грин:

— Маркус Питерс

— Кэтрин Грин

— Красный «Шевроле Камаро», номер H26НЙБ

— М.Б., Р.У., Н.Б., С.Д.

— Л.Г.

Очевидно, эта информация имела для нее огромное значение, но для меня она пока остается набором загадок. Ответы знала только Лина. Возможно, я плохо искал — придется наведаться туда снова.

22 июня 2002 года

Сегодня я прогуливался неподалеку и «случайно» свернул к дому Лины, чтобы оценить обстановку. Издалека заметил несколько машин: полицейский патруль и два черных джипа. Судя по всему, это были федералы — на одном из мужчин я разглядел куртку с надписью «ФБР». Что им понадобилось в доме Лины? Я поспешил уйти, пока меня не заметили.

23 июня 2002 года

Я не перестаю думать о Лине и о том, кто мог с ней так поступить. Снова кручу в руках её листок, пытаюсь сложить пазл. Кое-что проясняется: Маркус Питерс — тот самый мальчик, убитый в 76-м, Кэтрин Грин — мать Лины. Но что означают инициалы и этот красный «Шевроле»?

24 июня 2002 года

Я снова вернулся к дому Лины. Вокруг было пусто, входная дверь опечатана. Обойдя здание, я заметил приоткрытое окно и пробрался внутрь, но дом оказался пуст — никаких зацепок. Однако стоило мне выбраться наружу, как я почувствовал чужой взгляд. Сердце пропустило удар, и я бросился бежать.

Преследователи были совсем близко. Мне удалось укрыться в библиотеке. Здесь я и пишу эти строки: если меня поймут, я стану главным подозреваемым. Я оставлю дневник здесь, а сам, переждав немного, попытаюсь выбраться.

На последней странице дневника я обнаружил надпись: «Х.Х.». Инициалы? Точка между символами подсказывала, что это всё-таки инициалы — подпись автора. Но кто он? Я застыл, поражённый прочитанным, и в оцепенении смотрел на догорающие в камине угли. Дневник был невелик, но скрытые в нём факты потрясли меня до глубины души. Как опытного журналиста, меня трудно чем-либо удивить, но эта рукопись буквально раздавила меня. Мысли путались, возвращаясь к одним и тем же строкам. Внезапно пришло осознание: вот она, история, которая станет бестселлером и всколыхнёт всю Америку. Но впереди предстоял долгий путь.

Я открыл ноутбук и начал переносить записи в цифровой формат. По спине снова пробежала дрожь: дневник подкупал своей пугающей честностью. Когда я наконец захлопнул

крышку, часы показывали четыре утра. Я был измотан, но внутри бушевала буря: тело требовало отдыха, а разум жаждал действий. В дневнике чётко прослеживались две зацепки — убийства Лины и Маркуса Питерса. Ключи к разгадке стоило искать в офисе шерифа городка Лингфилд.

Раньше участком руководил Мартин Блэквуд — старый друг моего отца. Теперь же пост занял его сын, Патрик. Я помнил его ещё по детству: тихий, хлипковатый парень, которого оберегал авторитет отца. Мы не виделись больше десяти лет. Надеюсь, Патрик меня помнит и поможет пролить свет на эту историю.

Время тянулось мучительно медленно: стрелки часов едва доползли до половины пятого. Я сварил кофе и, не находя себе места, принялся мерить комнату шагами. За окном брезжил рассвет, и я решил выйти на террасу. Устроившись в кресле, я замороженно наблюдал за восходящим солнцем, пока в голове крутился один и тот же вопрос: «Кто же ты такая, Лина Грин?» Усталость взяла свое — я провалился в сон прямо там, с чашкой в руках. Ни сновидений, ни мыслей — лишь непроглядная черная пелена.

Грохот упавшей кружки вырвал меня из забытья. Солнце уже вовсю играло бликами на глади озера, а лицо обдувал приятный тёплый ветерок. Я поморщился: нужно было срочно выпить еще кофе, иначе до полудня я не дотяну. В этот момент зазвонил телефон — на экране высветилось имя Роберта Уилсона, моего редактора.

— Джеймс, как ты? — голос Роберта звучал бодро.

— В порядке, Роберт. Обустраиваюсь понемногу.

— Ты спал? Голос какой-то странный... Или приболел?

— Нет, всё хорошо. Просто вчера засиделся допоздна, предавался воспоминаниям.

— Нащупал что-нибудь? Есть идеи для истории?

— Пока не особо, — уклончиво ответил я.

— Джеймс, я верю в тебя. Издательству нужна «бомба», чтобы не пойти ко дну среди этих акул. Сейчас на рынке затишье — ни громких расследований, ни сенсаций. Людям нужен экшен, динамика, немного порока и запретных тем. Ты же понимаешь, о чем я. Вся надежда на тебя. Жду новостей.

— Спасибо за доверие, Роберт, но обещать пока ничего не буду. Как только появятся сдвиги, ты узнаешь первым.

— Договорились. На связи!

Я положил телефон на столик и направился в ванную. Впереди был длинный день, и первым пунктом в списке значился полицейский участок. Мое расследование официально начиналось. Что ж, Джеймс Хэвбрук, пора вступать в игру.

Давний друг

К одиннадцати утра я уже стоял у входа в полицейский участок.

— Добрый день, — обратился я к дежурному. — Где я могу найти шерифа Патрика Блэквуда?

— Добрый день. Шериф на месте, но у вас назначена встреча?

— Нет, но мы старые друзья. Хотел заглянуть, повидаться.

— Как вас представить?

— Скажите, что пришел Джеймс Хэвбрук.

— Минуту.

Дежурный, чей бейдж гласил Макдауэлл, набрал внутренний номер. Короткий разговор, кивок — и через мгновение из кабинета вышел Патрик. Он широко улыбнулся и раскинул руки для объятий:

— Джеймс! Сто лет, сто зим! — он по-приятельски хлопнул меня по плечу. — Заходи, не стой на пороге. Сейчас поставлю кофе.

— Спасибо, Патрик, с удовольствием.

Мы устроились в кабинете. Здесь всё осталось прежним — казалось, время замерло с тех пор, как я был здесь в последний раз в детстве.

— Рассказывай, как ты? Слышал, подался в писатели?

— Есть такое, — усмехнулся я. — Работаю в издательстве, параллельно пишу статьи для «Нью Лайф».

— Здорово, поздравляю! Ты всегда был таким: любопытным, дотошным, с подвешенным языком. Видишь, призвание — штука упрямая, проявляется еще в детстве. Я вот всегда мечтал стать копом, и, как видишь, судьба распорядилась

именно так. Ну, выкладывай: приехал по работе или решил сбежать от городской суеты?

— Наверное, и то, и другое, — уклончиво ответил я.

Патрик прищурился и шутливо подзадорил:

— Я весь во внимании, Джеймс Хэвбрук.

Я посерьезнел:

— Давай без лишних предисловий. Перейду сразу к делу.

— Прости, не хотел давить, — улыбка сползла с лица шерифа. — Слушаю тебя.

— Ты слышал об убийстве Маркуса Питерса в семьдесят шестом?

Патрик нахмурился, вспоминая:

— Конечно. Я знаю это дело — в основном со слов отца, хотя и архивную папку просматривал. Жестокое избиение, ни одной зацепки, дело так и осталось «висяком».

— Материалы еще сохранились?

— Разумеется. Мы не закрываем дела об убийствах, даже если они переходят в разряд «глухарей». Хотя, по правде говоря, это уже не в нашей компетенции.

— А в чьей?

— Федералы забрали всё почти сразу после случившегося.

— Могу я взглянуть на дело?

— Думаю, да. Возможно, свежий взгляд поможет увидеть то, что мы упустили.

— Спасибо, Патрик.

— Есть еще кое-что. Убийство Лины Грин. Её нашли на пляже в 2002-м. Джеймс, я понимаю твои сомнения, но за всю историю Лингфилда это были единственные два убийства. Для нас это глубокая рана. Надеюсь, ты не собираешься сеять панику в нашем городке?

— Что ты, Патрик, даже не думай. Я просто хочу разобраться в деталях. Может, мне удастся выйти на след преступника.

— Хорошо. Я подготовлю для тебя материалы по Лине и Маркусу.

— Если не возражаешь, я бы хотел изучить их дома.

— Я сделаю копии.

— Отлично, ты меня очень выручишь. Я твой должник.

— Брось, Джеймс. Приходи лучше вечером на ужин к моим родителям — они будут рады тебя видеть.

— Благодарю, Патрик. С удовольствием. Увидимся вечером!

— До вечера, Хэвбрук.

До дома я добрался за считанные минуты. Азарт захлестнул меня: хотелось немедленно погрузиться в расследование, докопаться до истины и найти виновных.

Влетев в гостиную, я даже не стал раздеваться — сразу рухнул на диван и разложил бумаги на журнальном столике. Оба дела вел шериф Мартин Блэквуд, отец Патрика.

На месте убийства Маркуса Питерса не нашли ни единой улики. Согласно отчету о вскрытии, смерть наступила от уда-

ра тяжелым тупым предметом — вероятно, дубинкой. Но перед этим Маркуса жестоко избили: тело сплошь в синяках, лицо превратилось в кровавое месиво, нос сломан. Полиция была уверена, что он был не один, но, кроме тела, на месте преступления — пустота.

С делом Лины Грин всё обстояло еще туманнее. Ее нашли на заброшенном пляже: голова на камне, вокруг лужи крови, но ни свидетелей, ни зацепок. Вскрытие показало, что Лину застрелили из дробовика в упор. Никаких следов борьбы, изнасилования или побоев. Ни мотива, ни подозреваемых — полный ноль. Единственное, что обнаружила полиция — разбросанные по песку личные вещи девушки.

— Час от часу не легче, — выругался я. — У полиции вообще ничего нет. Ни улики, ни свидетелей. Только два трупа и абсолютная пустота.

Чтобы хоть как-то упорядочить хаос в голове, я прикрепил на стену фотографии Лины Грин и Маркуса Питерса. Две черно-белые карточки, разделенные пропастью в двадцать шесть лет. Я вглядывался в их лица, пытаюсь найти хоть какую-то нить, связывающую 1976-й и 2002-й, но всё оставалось пугающе туманным.

С Линой всё было более-менее ясно: амбициозная журналистка, вечно сующая нос в чужие тайны. Она наверняка перешла дорогу кому-то очень влиятельному. Но Маркус? Обычный парень, почти мальчишка. Кому он мог помешать? В чем смысл его смерти? Этот вопрос сверлил мозг, не давая

покоя, и с каждой минутой я всё глубже увязал в собственных догадках.

Стены, казалось, начали давить на меня. Я перевел взгляд на часы — шесть вечера. Желудок отозвался глухим спазмом: я осознал, что с самого утра не проглотил ни крошки.

В этот момент я вспомнил о приглашении на ужин к Патрику. Сначала мелькнула мысль отказаться — сил на светские беседы не было совсем. Но потом в голове щелкнуло: Мартин Блэквуд. Отец Патрика был в те годы в гуще событий. Возможно, старик помнит детали, которые стерлись из официальных отчетов, или у него есть своя версия того, что тогда происходило.

Решено. Ужин станет не просто передышкой, а шансом. Я потянулся за пиджаком, надеясь, что этот вечер принесет хоть какой-то свет в дело, которое уже начало казаться мне личной одержимостью.

Ужин у Блэквудов

Дом Блэквудов встретил меня теплом, которое, казалось, пропитало даже тяжелые деревянные панели в прихожей. Здесь пахло воском, книгами и чем-то неуловимо уютным — смесью корицы и крепкого табака.

Мартин Блэквуд возник из глубины коридора, широко раскинув руки, словно собирался обнять меня, а не просто поприветствовать.

— Джеймс, мальчик мой! — его голос гулко отозвался под высокими потолками. — Посмотри на себя, как же ты вырос! Когда Патрик сказал, что ты объявился в наших краях, я чуть не прослезился от радости. Как там твой отец?

— Все хорошо, Мартин, — ответил я, чувствуя, как напряжение долгой дороги наконец отступает. — Он в Нью-Йорке, наслаждается заслуженной пенсией и тишиной.

— Рад слышать, искренне рад. — Мартин по-отечески хлопнул меня по плечу, направляя в сторону столовой. — Но довольно разговоров на пороге. Проходи, садись. Ужин уже на столе, а наболтаться мы еще успеем.

В столовой было по-домашнему тесно от антикварной мебели, но уютно. Миссис Блэквуд, как и много лет назад, двигалась по комнате бесшумно и грациозно. Она осталась такой же, какой я помнил её в детстве: утонченная, сдержанная, с той редкой вежливостью, которая не требует лишних слов.

Воздух был пропитан ароматом запеченного мяса и пряных трав. У меня предательски заурчало в животе.

— Это было великолепно, миссис Блэквуд, — сказал я, отодвигая пустую тарелку. — В последнее время я питался одними полуфабрикатами, так что этот ужин — настоящий подарок.

Она лишь мягко улыбнулась, коснувшись рукой края скатерти:

— Благодарю, Джеймс. Мне очень приятно, что тебе по-

наверилось.

В этом доме время словно замирало. Здесь я всегда чувствовал себя защищенным от суеты внешнего мира, будто стены Блэквудов были надежным щитом, не пропускающим ни тревог, ни холода.

Когда с ужином было покончено, Мартин достал из бара бутылку виски. Тяжелое стекло глухо звякнуло о столешницу. Разлив напиток по бокалам, он кивнул на дверь, ведущую в сад.

— Пойдем, Джеймс. Выкурим по сигаре, как когда-то с твоим отцом.

Я обернулся к сыну хозяина дома:

— Патрик, ты с нами?

Тот, не отрываясь от своего бокала, лишь отмахнулся:

— Идите без меня. Я догоню вас через пару минут.

Мы вышли на террасу. Вечерний воздух был прохладным и влажным. Мы устроились в плетеных креслах у низкого журнального столика, глядя на сад миссис Блэквуд, который в сумерках казался таинственным лабиринтом из теней и призрачных очертаний роз. Мартин чиркнул спичкой, и огонек на мгновение осветил его довольное, морщинистое лицо.

Мартин Блэквуд наполнил мой бокал. Янтарная жидкость в полумраке сада казалась густой, почти черной. Он поднял взгляд, и в его глазах, подернутых пеленой прожитых лет, мелькнуло что-то, похожее на снисходительную жалость.

— Ну, как тебе здесь, Джеймс? — его голос прозвучал

мягко, но в этой мягкости чувствовалась тяжесть старого камня.

— Честно? Я здесь по делу, — я не стал юлить. В этом доме ложь казалась неуместной, словно она могла застрять в горле, как кость.

Мартин едва заметно улыбнулся, не разжимая губ.

— Патрик упоминал. Ты копаешься в архивах. Старые дела, пыльные папки... Ты ищешь вдохновение или что-то, что лучше было бы оставить в забвении?

— Я писатель, Мартин. Ищу сюжет для книги. Лингфилд показался мне идеальным местом, чтобы... отвлечься.

— Вдохновение — опасная штука, — он отпил виски, не сводя с меня пристального взгляда. — Оно часто заводит туда, где свет гаснет сам собой. У тебя есть вопросы?

Я подался вперед, чувствуя, как воздух становится плотнее.

— Вы вели оба дела. 1976-й и 2002-й. Лина Грин и Маркус Питерс.

Мартин кивнул. Его пальцы, сжавшие ножку бокала, побелели.

— Расследование... громкое слово для того, что мы делали. Улик не было. Свидетелей — тоже. В 1976-м всё закончилось, едва начавшись. Через три дня к нам приехали люди в строгих костюмах. ФБР. Дело изъяли, даже не взглянув на наши отчеты.

— Кто именно? — мой голос прозвучал резче, чем я хо-

тел.

— Те, у кого нет имен, Джеймс, — Мартин отвел взгляд к окну, за которым сгущались сумерки. — Я был молод. Я хотел носить этот значок до пенсии. Я замолчал. Скрепя сердце, я позволил тьме поглотить правду.

— А 2002-й? Спустя столько лет? История повторилась?

— С пугающей точностью. Снова ФБР. Снова тишина. В нашем городке убийства — это аномалия. Всего два случая за всю историю. И оба раза... — он замолчал, подбирая слова, — оба раза казалось, что город сам пытается вырезать эти события из своей памяти.

— Это нелогично! — я не выдержал. — Если местная полиция не справляется, подключают полицию штата. ФБР не занимается локальными убийствами, если нет связи с другими штатами. Вы же понимаете, что это выглядит как... как сокрытие?

Мартин медленно повернулся ко мне. В его глазах отразился блик лунного света, и на мгновение мне показалось, что он видит не меня, а тени прошлого, стоящие у меня за спиной.

— Логика — это инструмент для тех, кто хочет найти ответы, Джеймс. Но иногда ответы — это то, что убивает быстрее, чем пуля. Очевидно, у них были основания. Веские причины, чтобы забрать эти дела себе.

Он потянулся к бутылке, и его рука слегка дрогнула.

— Еще по бокалу? — спросил он, и в этом вопросе мне почудилось не приглашение, а предупреждение.

— Да, — ответил я, чувствуя, как внутри растет холодное предчувствие. — Не откажусь.

Мы пили молча, погруженные в собственные мысли. Я выпустил густое облако дыма и, не глядя на Мартина, бросил:

— Мы с этим разберемся.

Он тяжело опустил руку мне на плечо.

— Я верю в тебя, Джеймс.

К десяти вечера я добрался до домика у озера. Вокруг стояла непроглядная тьма. Опустошение навалилось так внезапно, что в голове не осталось ни единой связной мысли. Я просто рухнул на террасу, глядя в пустоту, а потом решил, что утро вечера мудренее, и поплелся спать.

Сон был на удивление крепким и спокойным — роскошь, которой я давно не знал. Первое, что я увидел, открыв глаза, — импровизированная детективная доска на стене. Фотографии Маркуса Питерса и Лины Грин смотрели на меня с немым укором. Я встал и прикрепил поверх них две новые записки с надписью «ФБР».

Взгляд упал на дневник таинственного Х.Х. Я снова перебирал газетные вырезки и вдруг замер. Фамилия журналиста — Брэнсон К. Как я мог не заметить этого раньше? Я выругался про себя, чувствуя прилив досады.

Нужно найти его. Если он жив, то может стать ключом ко всему. Я немедленно набрал номер шерифа Патрика Блэквуда.

Тот выслушал меня и тут же перенаправил к отцу.

— Мартин знает всех стариков в округе, — отрезал Патрик. — Звони ему.

Я набрал номер Мартина.

— Хэвбрук? — голос в трубке прозвучал бодро. — Рад слышать, Джеймс.

— Взаимно, Мартин. Но я по делу.

— Слушаю внимательно. Что стряслось?

— Вы знали журналиста по фамилии Брэнсон К.?

На том конце повисла короткая пауза.

— Карл Брэнсон? Конечно, знал. Когда-то он писал для местной газеты, а сейчас... ну, типичный отшельник. Живет на отшибе, у леса, в город носа не кажет. Записываешь?

— Да, диктуйте.

— Форест-стрит, 21.

— Спасибо, Мартин. Вы меня очень выручили.

— Брось, Джеймс. Звони, если что-то еще понадобится. Не стесняйся.

— Обязательно. На связи.

День начался на удивление легко — редкое везение для человека с моей профессией. Решив не утруждать себя готовкой, я отправился в ту самую закусочную на углу. Марси, как всегда, встретила меня у порога, и её улыбка показалась мне сегодня особенно теплой.

— Доброе утро, писатель! — пропела она, едва я переступил порог. В её глазах читалось нечто большее, чем просто

вежливость официантки.

— Доброе, Марси, — я позволил себе улыбнуться в ответ. — Сегодня мне нужно что-то основательное. Омлет и двойной черный кофе, пожалуйста.

— Будет сделано, — она подмигнула мне и, чуть покачивая бедрами, направилась к стойке.

Я проводил её взглядом, невольно отмечая, как ладно сидит на ней форма. Марси была чертовски привлекательна, и при других обстоятельствах я бы, не раздумывая, перевел этот флирт в нечто более интересное. Но сейчас? Сейчас в моей голове томились совсем другие мысли, куда более мрачные и требовательные. Любовные игры — в данный момент, были абсолютно неуместны. Хотя... кто знает, что будет, когда я закончу свои дела? Всему свое время.

Завтрак пролетел быстро. Я почти не чувствовал вкуса еды, торопливо запивая омлет обжигающим кофе. Как всегда, я оставил купюры на столе вместе с щедрыми чаевыми и буквально выбежал на улицу.

Мой «Рейндж Ровер» ждал меня у обочины, словно верный пес. Запрыгнув в салон, я вдавил педаль газа. До дома Карла Брэнсона было рукой подать — всего пятнадцать минут по пустым утренним дорогам. И эти пятнадцать минут были последними, когда я мог позволить себе просто дышать, не думая о предстоящем разговоре.

Журналист Карл Брэнсон

Я приехал без предупреждения: номера Карла у меня не было, поэтому пришлось просто позвонить в дверь. Спустя мгновение она распахнулась, и на пороге возник высокий, крепкий старик.

— Кто вы? — пытливо спросил он.

— Боюсь, вы меня не знаете, — ответил я. — Меня зовут Джеймс Хэвбрук, я журналист и писатель из Нью-Йорка.

— Джеймс? Джеймс Хэвбрук? Сын Хэнка Хэвбрука?

— Да! — я не скрыл удивления. — Вы его знали?

— Знал ли я его? — бывший журналист усмехнулся. — Конечно! Мы были друзьями. Но что мы стоим на пороге? Проходи в дом.

Внутри было безупречно чисто, в воздухе витал тонкий аромат мяты. Видимо, заметив мое любопытство, Карл добавил:

— Как раз заварил мятный чай. Будешь?

— С удовольствием.

Карл ушел на кухню заваривать чай, а я невольно огляделся. Интерьер дома словно застыл в семидесятых, но, вопреки ожиданиям, здесь было по-домашнему уютно. В гостиной, где мы только что сидели, красовался массивный камин, облицованный камнем. На полке над ним теснились фотографии: черно-белые снимки молодости Карла и более поздние, датированные началом двухтысячных. Мой взгляд зацепился за одну из них: отец стоял в компании Карла и какого-то незнакомца. Это меня заинтриговало.

Обстановка выдавала холостяцкий быт: чувствовалось, что в доме давно не было женской руки. Похоже, Карл Брэнсон прожил бобылем всю жизнь, хотя кто знает.

Пока я размышлял, с чего начать разговор, вернулся хозяин. Он внес поднос с двумя чашками и прозрачным заварочным чайником, в котором плавали веточки мяты и дольки лимона. Рядом примостились вазочки с конфетами и печеньем.

— Угощайся, — предложил он с доброй, легкой улыбкой.

— Выглядит аппетитно, с удовольствием, — ответил я и, решив не ходить вокруг да около, сразу спросил:

— Я заметил на фото своего отца рядом с вами. А кто третий?

Карл взял снимок с полки.

— О, ты об этом? Как я уже говорил, мы с твоим отцом дружили. А это Эдвард Дениелс, тоже журналист. Большой мастер, опытный, с широким кругом связей.

— Откуда он?

— Из Нью-Йорка. Когда-то нас троих свела судьба... — Карл тяжело вздохнул.

— А как вы познакомились с моим отцом? — решил я зайти издалека.

— По правде говоря, мы с твоим отцом знакомы целую вечность.

Пересекались по работе, да и знали друг друга с детства, хотя близкими друзьями нас не назовешь, скорее прияте-

ли, давние знакомые. Потом он уехал в Нью-Йорк, сделал блестящую карьеру журналиста, и наши пути разошлись. Но судьба снова свела нас вместе, когда пропала одна очень хорошая девушка.

— Лина Грин? — выпалил я.

Карл удивленно вскинул брови:

— Тебе что-то об этом известно?

— Не так много, как хотелось бы. Я знаю, что её убили.

Застрелили и бросили тело на пляже в Лингфилде.

— Для нашего городка это стало шоком — всего второе убийство за всю историю. Люди перестали выходить по вечерам, начали запира́ть двери, хотя раньше никогда этого не делали.

— Тихая, сплоченная община внезапно превратилась в сборище подозрительных обывателей?

— Ты прав, Джеймс. Это сильно ударило по нашему укладу. Впрочем, со временем страсти улеглись, всё вернулось на круги своя, и в Лингфилде снова воцарились покой и тишина. Ты ведь писатель, верно?

— Да, именно так.

— Хочешь написать об этом книгу?

— Возможно, — уклончиво ответил я. — Видите ли, Карл, мне не дает покоя один вопрос: почему в таком тихом месте произошли два столь жестоких убийства? Оба раза жертвы — совсем молодые люди. Маркусу Питерсу было семнадцать, Лине Грин — двадцать пять. Ни свидетелей, ни

улик. Это кажется мне подозрительным. Здесь что-то скрыто, но я пока не могу нащупать нить.

— И ты хочешь взять у меня интервью?

— Если нашу беседу можно так назвать — то да.

— Я буду рад помочь, мой дорогой. Эта тайна не дает мне покоя уже много лет. С чего начнем?

— С чего угодно. Расскажите всё, что помните о Лине Грин или Маркусе Питерсе.

— Боюсь, это будет долгая история, мой друг.

— Я не тороплюсь. Готов слушать вас хоть целую вечность.

— Ну что ж... Тогда начнем.

Карл Брэнсон замер у окна, вглядываясь в мутную пелену за стеклом. Его пальцы нервно сжимали край подоконника, а взгляд, казалось, был устремлен не на улицу, а вглубь прожитых лет. Он заговорил не сразу — голос звучал глухо, словно он вытаскивал слова из пыльного архива своей памяти.

— Лина Грин... — он на мгновение замолчал, словно пробуя имя на вкус. — Она была из тех людей, в которых жизнь бьет ключом, даже когда вокруг сплошная серость. Слепительная блондинка, умная, дерзкая, с тем самым редким «журналистским стержнем», который либо ломает человека, либо делает из него легенду. У неё были блестящие учителя и покровители, которые прочили ей карьеру в высшей лиге. Но Лина искала не славы. Она искала правду там, где другие предпочитали видеть лишь пустоту.

Брэнсон тяжело вздохнул и повернулся ко мне.

— В начале двухтысячных она заиклилась на деле Маркуса Питерса. Ты наверняка слышал: парня нашли на обочине, превращенного в месиво. Официально — несчастный случай, неофициально — «глухарь», о котором полиция предпочла забыть еще в 76-м. Мы, старые волки, только посмеивались над ней. «Лина, оставь призраков в покое», — говорили мы. Но она была непоколебима. Она жила этим делом, выуживая крупницы истины из пыльных папок и чужих молчаний. Я тогда думал: это юношеский максимализм. А теперь понимаю — это была одержимость.

Он подошел к столу, его движения стали резкими.

— Тот вечер я не забуду никогда. За окном бушевал шторм — такой, что казалось, будто небо решило стереть наш город с лица земли. Дождь молотил по черепице с яростью пулеметной очереди. В такую погоду нормальные люди сидят у камина, а не бродят по улицам. И вот, в самый разгар ливня, в мою дверь постучали.

На пороге стояла Лина. Она была похожа на призрака: промокшая до нитки, без зонта, с размазанной по щекам тушью, которая смешивалась с дождевой водой, превращая её лицо в маску трагедии. В её глазах я увидел то, чего не видел никогда раньше — животный, первобытный страх.

Она не поздоровалась. Она даже не вошла в дом, просто вцепилась взглядом в мое лицо, словно пытаясь прочесть там приговор.

— Карл, — её голос дрожал, перекрывая шум бури, — я могу тебе доверять?

Я почувствовал, как внутри всё похолодело. В тот момент я понял: она нашла то, что искала. И это «что-то» теперь охотится за ней.

— Что случилось, Лина? — мой голос прозвучал жалко, почти испуганно.

— Ответь мне, Карл! — она почти кричала, игнорируя холод, пробирающий до костей.

— Да, Лина, конечно, ты можешь мне доверять! — я сделал шаг вперед, пытаясь ухватить её за плечи, но она отшатнулась. — Но ради бога, скажи, что произошло?

— Не задавай вопросов, просто слушай, — отрезала она. — Завтра у меня важная встреча. Я не знаю, чем она закончится и вернусь ли я вообще. Возьми это.

Лина протянула мне конверт, внутри которого что-то твердое — ключ.

— Если со мной что-то случится, используй его. Там все мои записи. Ты во всем разберешься, и мы наконец доберемся до этого ублюдка.

Я был в шоке и не мог вымолвить ни слова. Она стояла под проливным дождем, промокая до нитки, а я, идиот, даже не догадался пригласить её в дом. Я взял конверт, а она молча развернулась, села в машину и уехала. Больше я её живой не видел. До сих пор корю себя: ведь я мог её остановить, мог помочь! Твой отец, узнав, что я был последним, кто её

видел, возненавидел меня за бездействие. Да я и сам не могу себе простить. Мы еще пересекались, когда искали убийцу, но прежней доброжелательности уже не было. И я его не вижу.

— Постой, Карл, — перебил я. — Ты сказал, что ключ был в конверте. От чего он? Вы нашли записи?

— В том-то и дело, что нет. Она ничего не объяснила — видимо, ради безопасности. Я перепробовал всё: ячейки на вокзалах, камеры хранения, почтовые ящики... Ключ ни к чему не подходил. Это стало моей навязчивой идеей: я знал, что в этих записях — ключ к разгадке убийства, но так и не смог их найти.

— Ключ всё ещё у вас?

— Да, конечно.

— Можете дать его мне? Может, у меня получится разобраться.

— Одну минуту, Джеймс.

Пока Карл искал ключ, мои мысли лихорадочно метались. От чего он? Что скрывает? Я пришел к выводу, что Лина Грин, вероятно, вычислила убийцу Маркуса Питерса и отправилась на его разоблачение. Именно поэтому она оставила ключ Карлу Брэнсону — в надежде, что он догадается, от чего он, и передаст улики полиции. Но Карл не справился, и преступник остался на свободе.

Мои размышления прервал вернувшийся Карл. В руках он держал небольшую резную шкатулку. Я неспешно открыл

её: внутри лежал лишь крошечный ключ.

— Спасибо, Карл, — сказал я. — Я докопаюсь до правды об убийстве Лины.

— Надеюсь, у тебя получится, Джеймс. Эта тайна не дает мне покоя двадцать лет. Найди этого мерзавца, пусть он ответит за содеянное. И... спасибо тебе.

Мы попрощались. Карл крепко обнял меня и добавил:

— Береги себя. Это может быть очень опасно.

Я еще раз пообещал ему во всем разобраться.

— Передавай привет отцу!

— Обязательно, Карл.

Едва переступив порог, я положил ключ на стол и принялся его изучать. Он не походил на обычный ключ от двери или почтового ящика — скорее, от сейфовой ячейки. Но где её искать? На вокзале? Вряд ли, Карл там всё проверил. Аэропорта в городе нет. Значит, разгадка здесь, в Лингфилде. Карл прожил здесь всю жизнь, и Лина не стала бы передавать ему ключ, если бы тайник находился в Нью-Йорке или где-то еще. Искать нужно здесь. Хотя я могу ошибаться, ведь Лина Грин была очень умной женщиной.

Моя стена постепенно превращалась в «детективную доску» — так это называют в полиции. Визуализация улик помогала выстраивать цепочки, но от обилия фактов кружилась голова. Я налил себе виски и залпом осушил стакан. Стало немного легче: хаос в мыслях начал обретать структуру.

Лина знала убийцу и пошла на встречу намеренно. Ей нужно было признание, и она поплатилась за это жизнью. Карл Брэнсон не понял её замысла, и её жертва оказалась напрасной. Внезапно меня осенило: есть еще один человек, который в курсе дела. Мой отец, Хэнк Хэвбрук. Почему он молчал? Вероятно, тема слишком болезненна. Я взглянул на часы — половина первого ночи. Решив отложить допрос до утра, я выпил еще, рухнул на диван и провалился в сон.

Проспал я недолго. Резкий, отчаянный звонок в дверь вырвал меня из забытья. Спотыкаясь и даже не спросив «кто там?», я распахнул дверь. На пороге стояла Марси.

— Марси? Что ты здесь делаешь?

— Прошу прощения, — голос Марси дрогнул, она нервно теребила край своей форменной куртки. — Я... я проезжала мимо после смены в закусочной. Увидела свет в окнах и подумала, что вы наверняка засиделись над книгой. Вы ведь работаете по ночам, верно? Я решила, что вам не помешает ужин.

Она стояла на пороге, опустив взгляд в пол, и выглядела до того растерянной, что мне стало неловко за свой сонный вид.

— О, Марси, — я невольно улыбнулся, хотя в голове всё ещё стоял туман. — Вы правда не должны были беспокоиться. На самом деле, я уже спал, просто забыл погасить свет. День выдался тяжелым.

Лицо Марси вспыхнуло красным румянцем. Её щеки

мгновенно окрасились в пунцовый цвет, а пальцы судорожно сжали пакет с едой.

— Боже, какой конфуз... — пробормотала она, отступая назад. — Простите, мистер Хэвбрук. Я... я пойду. Приятного аппетита и спокойной ночи.

— Эй, Марси! — окликнул я её, когда она уже развернулась. — Спасибо. Правда, спасибо.

Она лишь коротко кивнула, не поднимая глаз, и почти бегом направилась к машине. Я наблюдал, как она неуклюже усаживается за руль, явно стараясь поскорее скрыться с глаз, чтобы спрятать своё смущение.

Когда её старенький автомобиль растворился в темноте, я остался стоять на крыльце. Часы показывали два ночи. Раз уж сон окончательно улетучился, я решил перекусить. Еда оказалась на удивление вкусной, даже холодной. Пока я жевал, мысли вернулись к делу Лины Грин. Звонить отцу по телефону не хотелось — такие вещи обсуждают только с глазу на глаз. Решение пришло само собой: нужно ехать в Нью-Йорк.

Я принял душ, наспех закинул вещи в сумку и выехал.

Дорога была пуста. В пять утра мир казался застывшим в ожидании рассвета. Я ехал не спеша, наслаждаясь тишиной: отец просыпался рано, и я как раз успевал к его утреннему кофе. Когда я свернул с Маунтин-Роуд на шоссе, мелкий дождь забарабанил по крыше, окутывая мир серой дымкой. Величественные ели и сосны проплывали мимо, словно

безмолвные стражи. В этой пасмурной, прохладной тишине я вдруг почувствовал странное, почти забытое спокойствие, будто слился с самой природой.

Я не заметил, как пролетели три часа. Около восьми утра я уже парковался у дома родителей, чувствуя, что этот путь промелькнул для меня как одно мгновение.

Разговор с отцом

— Привет, пап!

Я застал отца на подъездной дорожке: он как раз вышел за утренней газетой. Это был его незыблемый ритуал: сварить кофе, забрать свежий выпуск и устроиться в любимом кресле, встречая новый день. Порой для счастья нужно совсем немного. Отец никогда не гнался за славой или большими деньгами — он просто жил, находя радость в мелочах. Раньше я считал такой подход скучным, ведь сам грезил карьерой известного писателя и звонкой монетой. Хотя... действительно ли я этого хочу?

— О-о, сын! Какими судьбами? Как отпуск? Ты совсем пропал, не звонил последние дни! — отец засыпал меня вопросами, сияя улыбкой.

— Всё в порядке, пап. Просто навалилось много работы...

— Работы? Я думал, ты в отпуске.

— В творческом, — уклончиво ответил я.

— Начал писать?

— Кажется, да. У меня появилась история. Собственно, поэтому я и приехал в Нью-Йорк так рано. Мне нужно с то-

бой поговорить.

— Ну чего мы стоим на пороге? Заходи! — отец радушно обнял меня за плечи, и мы вошли в дом. — Кофе сварить?

— Да, не откажусь. Ночь выдалась бессонной.

— Иди в свою комнату, отдохни с дороги. Я приготовлю завтрак и принесу кофе. Только не шуми — мама ещё спит.

— Хорошо, пап.

В моей комнате всё осталось по-прежнему — словно время замерло в день моего выпускного. Старый компьютер, типичная подростковая мебель: громоздкая стенка, раскладной диван, а на стенах — всё те же постеры рок-групп. Я сел за стол и разложил свои находки: ноутбук, дневник с инициалами «Х.Х.» и папку с собранными материалами.

В этот момент в комнату заглянул отец.

— Выглядишь задумчивым. Держи кофе, завтрак задержится — мама проснулась и выставила меня с кухни, — он улыбнулся той доброй, мягкой улыбкой, с которой всегда смотрел на маму. Отец души в ней не чаял и всегда был с ней подчеркнуто учтив.

— Ну, рассказывай, Джеймс, что у тебя там?

— Слушай, пап, история долгая, но мне кажется, ты единственный, кто может мне помочь.

— Постараюсь, сынок. Выкладывай.

— Всё началось в Лингфилде. В местной частной библиотеке я случайно наткнулся на свёрток, спрятанный за книгами. Внутри был дневник. В нём описывалось убийство Лины

Грин и исчезновение Маркуса Питерса...

Я взглянул на отца и осекая: его лицо стало белым как полотно.

— Папа? С тобой всё в порядке? Ты выглядишь так, будто увидел призрака!

— Где этот дневник? — едва слышно спросил он.

— Вот он, здесь. Пап, в чём дело?

— В конце дневника стоят инициалы «Х.Х.»? — спросил я.

Отец вздрогнул и удивленно посмотрел на меня:

— Откуда ты знаешь?

— Это мой дневник! — сказал будто отрезал мой отец.

— Что? Х.Х — это Хэнк Хэвбрук?

В этот момент всё встало на свои места. Это был дневник моего отца, который он вел в те самые годы, когда исчезла Лина Грин.

— Папа, почему ты молчал?

— Сынок, пойми... мне было невыносимо вспоминать те события. Да и сейчас больно. Убийцу так и не нашли.

— Ты должен рассказать мне всё, что знаешь.

— Хорошо. Но пообещай, что докопаешься до правды.

— Я сделаю всё, что в моих силах.

— Этого мало, — отец пристально посмотрел мне в глаза. — Ты должен сделать больше, чем в твоих силах. Только так ты доберешься до истины. Но помни: это опасно. Будь осторожен.

Лето 2002 года, Лингфилд. Мне было чуть больше сорока. К тому времени я состоялся как журналист: не стал великим писателем, да и не стремился к этому, зато в своей профессии добился многого.

С Линой Грин я познакомился в 2000-м. Она пришла в нашу нью-йоркскую редакцию стажером. Несмотря на отсутствие опыта, писала она блестяще. Так вышло, что я стал её куратором.

Лина была одержима работой. Она постоянно что-то строила в своем блокноте, оставаясь для всех загадкой. В конце концов, любопытство взяло верх, и я спросил её напрямую.

— Знаете, мистер Хэвбрук, — ответила она, чуть резче, чем следовало, — я веду собственное расследование. Давнее преступление, которое полиция так и не смогла раскрыть. Кажется, я близка к разгадке.

— Что за дело? — спросил я, чувствуя, как внутри просыпается профессиональный азарт.

— Убийство произошло в Лингфилде, а не в Нью-Йорке. Если вы не против, я была бы рада вашей помощи. Но помните: это моё расследование, — добавила она

Я согласился. Лина рассказала мне о гибели Маркуса Питерса — семнадцатилетнего парня, чья жизнь оборвалась в 1976 году. Дело быстро превратилось в «глухарь»: ни улик, ни свидетелей, а технологии того времени не позволяли провести даже элементарный анализ ДНК. Местная полиция,

столкнувшись с подобным впервые, оказалась беспомощна, а вмешательство штатных детективов и ФБР не принесло результатов.

Лина призналась, что знает гораздо больше, чем удалось выяснить следствию, но не спешила делиться деталями. Она лишь намекнула на наличие свидетеля, который присутствовал на месте преступления. Меня захватила эта история — я понимал, что она способна взорвать все новостные ленты. Однако Лина была непреклонна: она не хотела предавать дело огласке раньше времени. Она планировала выпустить полномасштабное расследование только тогда, когда соберет неопровержимые доказательства и добьется справедливости. Я уважал её позицию и не докучал расспросами, терпеливо ожидая момента, когда она будет готова довериться мне до конца.

Всё случилось летом 2002 года. Лина приехала к Карлу Брэнсону и оставила ему ключ — странный предмет, назначение которого мы так и не смогли разгадать. После той встречи Лину больше никто не видел живой. Разумеется, кроме её убийцы.

Полиция подозревала нас с Карлом, но лишь потому, что других зацепок не было: мы оба были слишком близки к ней, особенно я. После её исчезновения я разорвал все связи с Карлом. Я был в ярости: мне казалось, он должен был её остановить — поехать следом или хотя бы позвонить мне. Но он не сделал ничего. Сейчас я понимаю, что зря винил его.

Карл — всего лишь скромный журналист из Лингфилда, и тогда он был просто парализован страхом. Это неудивительно. Когда я узнал, что Лина мертва, мир рухнул. Тогда я и начал вести дневник. У него не было цели — это был просто способ выговориться, выплеснуть боль на бумагу. Я боялся открыться людям: в каждом встречном мне мерещился либо враг, либо алчный репортер, жаждущий наживы на смерти Лины.

Отец замолчал. Казалось, он вот-вот расплатится, но сдержался.

— Папа, этот ключ сейчас у меня, — тихо сказал я. — Я заезжал к Карлу. Он передавал тебе привет и до сих пор винит себя в том, что не смог помочь Лине в ту ночь. Я хочу разгадать тайну этого ключа. Возможно, в нём кроется развязка обоих преступлений в Лингфилде. Очевидно, что они связаны.

Отец долго молчал, кивнув своим мыслям. Было видно, что он знает гораздо больше, но сейчас не в силах говорить. Наконец он произнес:

— Сынок, разберись с этим. Но умоляю: не выпускай книгу, пока не будешь уверен в каждом факте. Иначе это будет не расследование, а дерьмо собачье. Пиши только правду.

— Я не подведу, пап!

— Мальчики, идите мыть руки и завтракать! — раздался снизу голос мамы.

— Идём, мам! — отозвался я.

Отец понизил голос, глядя мне прямо в глаза:

— Маме — ни слова. Незачем заставлять её нервничать.

— Конечно, пап. Договорились.

— Тогда пошли. И натяни улыбку.

Мама искренне обрадовалась моему приезду, и завтрак прошел в теплой, по-настоящему семейной атмосфере.

— Как твоя книга, сынок? — спросила она.

— В процессе, мам. Пока не хочу раскрывать детали.

— Я так рада за тебя, — с теплотой в голосе ответила она.

Отец в этот момент посмотрел на меня с нескрываемой гордостью. Я едва заметно кивнул ему в ответ.

Когда завтрак подошел к концу, отец вышел проводить меня к машине.

— Разберись с этим делом, сын, — негромко сказал он.

— Но я пока даже не знаю, с чего начать...

— Найди её мать.

— Лины?

— Да. Возможно, она еще жива.

— Спасибо, пап. Ты очень помог. Надеюсь, эта зацепка куда-то приведет.

— Давай, удачи в дороге. И не гони!

— Слушаюсь, сэр, — по-солдатски отчеканил я. — Увидимся!

— Звони!

Дорога до Лингфилда пролетела как в тумане — я был настолько погружен в свои мысли, что не заметил, как оказался

на месте. История Лины не отпускала, прочно засев в голове. Когда я подъехал к домику у озера, он показался мне еще более родным, чем прежде. В голове даже мелькнула шальная мысль: а не перебраться ли сюда насовсем?

В поисках миссис Грин

Я набрал номер шерифа Патрика Блэквуда по старому дисковому телефону — аппарату из потемневшей пластмассы, который висел в прихожей. Гудки казались бесконечными. Если у кого-то и остались ниточки к прошлому Лины, то только у него. Полицейские каналы порой работают быстрее официальных запросов.

— Хэвбрук? — голос Патрика прозвучал так, словно он жевал зубочистку. В трубке тихо гудела помехами рация дежурного.

— Приветствую, Патрик! Мне нужна твоя помощь. Это касается дела Лины.

— Настолько срочно, что не может подождать до завтра? У меня тут пьяный фермер уснул в обезьяннике.

— Боюсь, что да. Речь о её матери. На том конце провода повисла короткая пауза, заполненная треском статики.

— Твои вопросы начинают пахнуть жареным, писатель. Слишком много интереса к закрытому делу. Приезжай в участок. Здесь всё и обсудим, под защитой этих стен.

— Да, я буду буквально через десять минут.

— Окей. Предупрежу Макдауэлла, чтобы не смотрел на тебя как на взломщика. И захвати по пути кофе. Чувствую,

разговор будет долгим.

Положив тяжелую трубку на рычаг, я почувствовал, как внутри натянулась невидимая струна. Я больше не собирал разрозненные факты для книги, слепо перебирая старые газетные вырезки. Я охотился. Справедливость должна возторжествовать, даже если ради этого придется вскрыть давно затянувшиеся раны.

Дежурный Макдауэлл, массивный мужчина с седыми бакенбардами, лишь молча кивнул мне, нажимая кнопку магнитного замка. Скрипнули турникеты. Патрик ждал меня в своем кабинете. Он сидел, задрав ноги в стоптанных ботинках на край стола, прямо поверх заляпанного жиром отчета о происшествиях. Перед ним дымилась чашка отвратительного растворимого кофе.

— Присаживайся, Хэвбрук. Что стряслось?

— Ты знаешь, что я пишу книгу о Лине Грин. Прошлое никак не отпускает этот город. Мне нужно знать, есть ли у неё живые родственники. Кто-нибудь, кто остался после... всего этого.

Патрик медленно опустил ноги на пол. Деревянный стул под ним жалобно скрипнул.

— Насколько я помню из старых отчетов — а память у меня весьма неплохая, Джеймс, — у Лины была только мать и дед. Старая карга и выживший из ума ветеран. Они были чертовски близки, просто сиамские близнецы. Жили в Лингфилде. Но сразу после первого убийства они сорвались с ме-

ста. Переехали в Кортленд, будто их ветром сдуло. С тех пор — тишина. Ни штрафов за парковку, ни обращений к врачам. Призраки.

— Патрик, — я подался вперед, опираясь локтями о его заваленный бумагами стол. — Я был бы тебе вечным должником. Узнай всё, что сможешь. Имя, телефон, адрес. Любую зацепку.

Он тяжело вздохнул, выдохнув облако кофейного пара, и почесал затылок.

— Для тебя, старый друг, сделаю. Нарушу пару протоколов. Будь на связи, как я что-то раскопаю, я тебе позвоню. Но учти, Хэвбрук: если это приведет нас в тупик или подставит под удар мою карьеру в участке, ты будешь должен мне ящик хорошего односолодового.

— Заметано. Первый сорт с меня.

— Да ладно тебе смущать, — буркнул он, хотя уголок его рта дернулся в довольной ухмылке.

Когда я вышел на крыльцо участка, небо окончательно прохудилось. Мелкий осенний дождь превратился в ледяную стену. Холодные капли жалили лицо, смывая остатки сонливости. Внутри меня словно распахнулись тяжелые дубовые двери — крылья за спиной выросли сами собой. За столько лет полиция топталась на месте, списав двойное убийство на «глухаря», а я за несколько дней собрал в разы больше информации, просто разговаривая со старыми сплетницами и роясь в архивах. Хотелось расхваливать себя, заказать бу-

тылку лучшего скотча, но холодный разум осадил эйфорию. Я знал лишь те детали, которые проморгала полиция, потому что искал историю, а они искали формальный повод закрыть папку. До разгадки было еще как до Луны пешком, но сам факт движения опьянял лучше любого алкоголя.

Дом встретил меня промозглой сыростью. Пальто намок-ло и стало весить тонну. Я бросил ключи на комод, содрал с себя влажную одежду и растопил камин. Сухие березо-вые поленья зажглись мгновенно, издавая приятный треск и наполнив гостиную запахом древесины и дыма. Чтобы со-гнать внутреннюю дрожь, я плеснул себе щедрую порцию торфяного виски. Просто сидел в глубоком кожаном кресле, смотрел на танец оранжевых искорок над углями, чувствуя, как тепло медленно проникает под кожу. Алкоголь смешал-ся с адреналином, веки налились свинцом. Прошлой ночью я просидел над картами города почти до рассвета, и теперь усталость взяла свое. Меня сморило прямо в кресле, одетого, сжимающего в руке пустой стакан. Я крепко уснул до самого утра под мерный шум дождя по крыше.

Телефон взорвался резкой трелью, когда за окном едва рассвело. Я нашарил трубку вслепую, морщась от пульсиру-ющей в висках боли.

— Патрик?

— Доброе утро, спящая красавица, — голос шерифа бод-рил лучше контрастного душа.

— Я кое-что узнал о миссис Грин. Записывай, повторять

не стану.

— Давай же, не томи! Ручка где-то...

— Кортленд, Гудзон-стрит, дом «7». И вот еще что, Хэвбрук... Она числится в списках местной общины анонимных алкоголиков. Так что дамочка может быть нестабильной. Я могу поехать туда с тобой. Всё-таки поддержка копа иногда действует лучше валерьянки. Слова застряли в горле. Я ожидал сухой справки, адреса на клочке бумаги, но предложение ехать вместе выбило почву из-под ног.

— Ты серьезно? Это было бы здорово!

— А у меня есть выбор? Если ты влезешь куда не надо и испортишь фасад моего спокойствия, лучше я буду рядом, чтобы минимизировать ущерб. Выезжаем?

— Через час! Я заеду за тобой в участок. Лучше поедем на моей машине. На служебной ехать не вариант, мы спугнем её, еще на подъезде. Да и расследование неофициальное.

— Голова варит. Значит, форма остается в шкафу. Жду.

Я решил не мешкать. Позавтракал я на ходу, давясь горячим сэндвичем с пережаренным беконом и обжигаясь кофе из термоса. И вот я уже сижу, вцепившись побелевшими пальцами в руль своего «Рейндж Ровера» возле служебной парковки. Дворники лениво размазывали грязь по стеклу. Патрик появился ровно через десять минут. Вместо формы на нем было потертое твидовое пальто, делавшее его похожим на университетского профессора, решившего уйти в запой. Он плюхнулся на пассажирское сиденье, обдав меня

запахом ментоловой жвачки и мокрой шерсти.

— Ну что? Поехали? — спросил я, выруливая на шоссе.

— Да, едем. И выключи эту свою муть, — он кивнул на радио, игравшее легкий джаз.

Всю дорогу до Кортленда мы молчали. Дворники монотонно хлестали по лобовому стеклу, отсчитывая секунды. Мимо проносились серые силуэты заправок и заброшенных мотелей. Каждый думал о чем-то своем, лишь изредка перекидываясь парой фраз о погоде или идиоте, подрезавшем нас на выезде. Мы оба понимали, что сейчас начнется самое сложное — человеческий фактор. Как построить диалог с матерью убитой девушки, которая похоронила дочь и сбежала от собственного горя на другой конец штата?

Лишь свернув на тихую, вымощенную брусчаткой Гудзон-стрит, мы решили обсудить нашу легенду. Дом номер семь выглядел именно так, как я его представлял: мрачный викторианский кирпич, заросший плющом, и ржавая калитка, визгливо скрипнувшая, когда я притормозил.

— План такой, — Патрик повернулся ко мне, его глаза сузились, став абсолютно холодными, полицейскими. — Не ходи вокруг да около. Такие люди чувствуют фальшь за милю. Просто объясним суть визита. Скажем правду: мы хотим раскрыть дело Лины. Что мы ее друзья. Или исследователи истины, если слово «друг» покажется ей слишком интимным.

— А вторая цель? — уточнил я, поглядывая на дверь.

— Попытаться узнать что-то про ключ, — жестко закончил он. — Может, всё это время мать знала, от чего эта железка. Открывала им дверь в комнату дочери. Или банковскую ячейку. Или склеп. Оставайся здесь, пойду проверю почтовый ящик на наличие свежих счетов. Живых людей проще ловить на бытовой рутине. Готов?

Рассказ миссис Грин

Дом на Гудзон-стрит встретил нас тяжелой, давящей тишиной. Сад окончательно одичал: разросшаяся крапива пробивалась сквозь трещины в бетонной дорожке, а сам фасад особняка шелушился лоскутами серой краски, обнажая темную дранку. На покосившемся почтовом ящике облупилась цифра «7», а на массивной двери не было ни звонка, ни молотка — лишь старая латунная щель для писем.

Патрик первым поднялся по скрипучему крыльцу. Яростно постучав костяшками пальцев три раза, он прислушался. Внутри что-то глухо упало, но шагов мы так и не услышали. — Заперто? — тихо спросил я.

Вместо ответа шериф толкнул дверь. Она поддалась с натужным стоном несмазанных петель. Открыта. Не успел я сделать шаг внутрь, как Патрик Блэквуд, волк закона, жестко отодвинул меня плечом за спину. Его правая рука легла на рукоять револьвера в наплечной кобуре, хотя застежку он пока не расстегивал.

— Миссис Грин! Полиция! — его голос прогремел под высокими потолками пустой прихожей, заставив дрогнуть

паутину в углах.

Ответом была вязкая, звенящая тишина. Мы прошли дальше, ориентируясь на тусклый свет из дверного проема слева. Гостиная встретила нас запахом сырости, дешевого алкоголя и чего-то сладковато-гнилого, похожего на забытые фрукты. На продавленном диване у давно остывшего камина сидела женщина. Пожилая, одетая в выцветший фланелевый халат поверх ночной рубашки. Ее седые волосы были спутаны, а взгляд плавающих глаз никак не мог сфокусироваться на нас. Бутылка стояла прямо на грязном ковре рядом с ее босыми ногами.

— Какого черта... кого там принесло? — прохрипела она, пытаясь нашарить стакан.

— Мэм, сохраняйте спокойствие. Я из полиции. А это мой спутник, Джеймс Хэвбрук. Он писатель из Нью-Йорка.

Женщина сощурилась, переводя мутный взгляд на меня. Внезапно зрачки расширились, словно от удара током.

— Хэвбрук? — переспросила она, и алкогольная пелена на секунду сползла с ее лица. — Ты сын Хэнка? Я знала твоего отца. Не близко, нет... Но Лина часто повторяла это имя. Ох, моя бедная девочка... Моя милая Лина! Что же они с тобой сотворили?! Ее лицо исказилось, предвещая истерику.

— Вы считали моего отца виновным? — осторожно спросил я, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Она слишком много времени проводила с этим мужчиной! — выплюнула она, сжимая кулаки. — Ходил за ней те-

нюю. И этот чертов Федерал... агент ФБР приезжал ко мне тогда, лет десять назад. Всё расспрашивал о нем, вынюхивал...

— При всем уважении к вашим воспоминаниям, мэм, руки моего отца чисты, — твердо сказал я, выдерживая ее тяжелый взгляд.

— Чистота сейчас ничего не стоит! — взвизгнула она, хватаясь за бутылку дрожащими пальцами. — Мне мою девочку уже никто не вернет! Ни бог, ни федералы, ни писатели!

— Именно поэтому мы здесь, — мягко, но настойчиво вклинился Патрик. — Чтобы вернуть ей справедливость.

— Справедливость... — она пьяно хохотнула, обводя рукой разгромленную комнату. — Посмотрите на меня. Это и есть ваша справедливость? Моя дочь — всё, что держало меня в этой проклятой, гнилой жизни. А теперь её больше нет. Они забрали самое дорогое.

— Поэтому вы пьете? — прямо спросил я. — Чтобы унять эту боль?

— А что еще?! — она сделала жадный глоток, пролив янтарную жидкость на подбородок. — Что еще может заставить замолчать этих демонов в моей голове?!

Я переглянулся с Патриком. Шериф едва заметно кивнул. Время действовать.

— Мисс Грин, до своего исчезновения Лина рассказывала вам что-нибудь необычное? О своей работе? О людях, с которыми общалась?

— Работе? Она просто бегала с блокнотом, мечтала стать второй Харпер Ли...

— Нам стало известно, что ваша дочь вплотную занималась делом Маркуса Питерса. При упоминании этого имени Кэтрин замерла. Стакан в ее руке дрогнул, расплескивая остатки виски на засаленную обивку дивана. Глаза, только что горевшие злостью, мгновенно остекленели и наполнились слезами.

— Маркус? Вы... вы знаете о Маркусе?

— Да. Маркус Питерс.

— О господи... — прошептала она, закрывая лицо ладонями. Слезы оставляли блестящие дорожки на ее пыльных щеках. — Я любила его. Всем сердцем любила. В день его гибели... в тот последний вечер... я была с ним. Она говорила тише, почти шепотом, проваливаясь в прошлое: — Мы хотели сбежать и пожениться. Наши родители рвали и метали, были против нашего союза. Ему едва исполнилось семнадцать, мне было восемнадцать. Мы решили, что вырвемся отсюда любой ценой. Ночью он тайком выбрался из дома через окно кухни. Я ждала его у старой мельницы, мотор был заведен. Он сел ко мне в машину, наполненный страхом, и мы рванули в сторону Солт-Лейк-Сити. По пустому шоссе 66... Свобода была вот она, прямо за поворотом. Но нам было не суждено... Голос сорвался. Она закрыла рот рукой, сдерживая рыдание.

— Что случилось, Кэтрин? — так же тихо спросил Пат-

рик. — Кто вас догнал?

Мы с шерифом подались вперед, боясь дышать. Женщина, тем не менее, продолжила, глядя невидящими глазами куда-то сквозь стену:

— За нами гналась машина. Ублюдки внутри то прижимали нас, то отставали, играли, как кошка с мышью. Потом резко ударили в задний бампер. Я испугалась, нога соскользнула с педали, и моя старая машина, которую купил мне отец, юзом пошла в кювет. Это была самая страшная ошибка в моей жизни. Я нажала на тормоз. Дверь их машины распахнулась. Их было трое. Пьяные скоты, от них несло дешевым пивом. Лица перемотаны банданами, видны только бешеные глаза. Они вытащили Маркуса за шиворот. Били бейсбольными битами. Ломали ему ребра, смеялись... А меня... — она задохнулась, подавившись воздухом. — Меня изнасиловали прямо на его глазах. Прямо там, на мокрой траве, пока он захлебывался собственной кровью. Я помню только запах земли и бензина. Я закрыла лицо руками и плакала, потому что ничем не могла помочь. Кэтрин наконец опустила ладони. Ее пальцы были белыми от напряжения.

— Что было дальше? — хрипло выдавил Патрик. Голос опытного копа впервые дал трещину.

— Возможно, они не хотели никого убивать, — выдохнула она. — Просто развлекались. Но когда они избивали Маркуса, кто-то перестарался. Они запаниковали, поняли, что парень мертв. Тот высокий, вожак как мне показалось... он

приказал добить и меня. Сказал, что шлюха видела слишком много. Первый удар пришелся по затылку. Свет погас. Она помолчала, массируя переносицу. — Очнулась я от холода. Рассвет. Моросило. Тело затекло, во рту вкус крови. Я лежала в дренажной канаве в пятистах метрах от дороги. Один бог знает, как я смогла туда проползти. Наверное, инстинкт самосохранения тащил мое тело, пока разум прятался глубоко внутри. Мимо проезжал дальнобойщик. Он увидел окровавленную женщину на обочине и вызвал скорую.

— А Маркуса... — начал я, но горло перехватило. — Его нашли? Вдруг он был тоже еще жив? Может, истекал кровью где-то неподалеку?

Кэтрин посмотрела на меня долгим, тяжелым взглядом. Затем медленно, театрально подняла свою опухшую правую руку.

— Жив? — горько усмехнулась она. — Нет, мистер Хэвбрук. Мой жених умер в ту ночь на шоссе. Я видела, что с ним сделали, те ублюдки, после такого никто бы не выжил. Она встала, пошатываясь, подошла к разбитому комоду и выдвинула верхний ящик. Достала оттуда пожелтевшую газетную вырезку, аккуратно развернула ее дрожащими пальцами и протянула нам. С выцветшей фотографии на нас смотрел улыбающийся юноша. Под снимком жирным шрифтом кричал заголовок: *«Тело Маркуса Питерса найдено спустя неделю после побега. Несчастный случай или месть?»*

— Его нашли через семь дней, — сказала Кэтрин Грин,

снова падая на диван. — В овраге, в тридцати милях отсюда. Разложение зашло так далеко, что коронер долго не мог подтвердить личность. Перелом основания черепа. Никакого несчастного случая. Только почему-то полиция решила списать это на наркотики и ограбление. Удобно, правда?

— Как я сказала, я отползла достаточно далеко от Маркуса, прежде чем темнота окончательно сомкнулась надо мной. Около недели мое тело балансировало на грани в палате интенсивной терапии. Придя в себя, я поняла, что ничего не помню — чистый лист, черная дыра вместо прошлого. А спустя месяц врач тихо сообщил мне новость, которая тогда показалась издевкой судьбы: я была беременна.

— Беременна? От Маркуса?

— Да, мистер Хэвбрук. Это всё, что он смог оставить после себя, кроме моего разбитого сердца.

История мисс Грин повисла в воздухе гостиной тяжелым, удушливым туманом. Мы с Патриком сидели оглушенные. Не просто шоком от жестокости произошедшего, но липким, холодным ужасом осознания того, как работает система. Никто из детективов нулевых годов даже не удосужился проверить эту женщину. Дело списали на несчастный случай или пьяную драку подростков, чтобы не портить статистику округа.

— Почему... когда к вам вернулась память, вы не обратились в полицию снова? — голос Патрика звучал глухо, словно ему тоже было трудно дышать этим воздухом.

— А я обратилась! — Кэтрин вскинула голову, и в ее глазах блеснула ярость загнанного зверя.

— Но этого нет ни в одном протоколе управления Лингфилда!

— Ко мне домой пришел мужчина. Дорогой костюм, идеальная стрижка. Он представился агентом ФБР. Я впустила его. Рассказала всё то же самое, что рассказываю сейчас вам. Каждую деталь. Он слушал очень внимательно, делал пометки в маленьком блокноте. Был вежлив, подливал мне воды. Сказал напоследок, что, если что-то понадобится, он свяжется со мной лично. У меня есть его визитка... Она дернулась было встать, пошатнулась, махнула рукой и рухнула обратно в подушки. — Визитка давно сгнила где-то в мусоре. Время шло, листья желтели, а ко мне никто не приходил. Когда я сама пошла в местную полицию, дежурный лишь развел руками: «Извините, мэм, дело федеральное, юрисдикция ФБР, мы не имеем полномочий вмешиваться». На этом всё закончилось для них. Для меня оно никогда не заканчивалось.

Когда на свет появилась Лина, я заставила себя похоронить ту ночь заживо. Вырезала кусок памяти ножом. Ради нее. Мы были счастливы здесь, в этой дыре. Позже, спасаясь от призраков Лингфилда, мы переехали сюда, в Кортленд.

— Вы рассказывали эту историю Лине? О Маркусе?

— Она начала задавать вопросы, когда выросла. Сама заявила, что хочет найти убийцу Маркуса Питерса. Читала старые газеты в библиотеке... У меня земля ушла из-под ног.

Тогда я сорвалась. Села напротив и выложила ей всё. Всю грязь, всю кровь. Мне хотелось, чтобы девочка знала своего отца. Хотя бы немного. Чтобы она понимала, почему ее мать кричит по ночам.

Повисла тяжелая пауза, нарушаемая только тиканьем старых настенных часов да жужжанием назойливой мухи, бьющейся о стекло.

— Спасибо за вашу смелость и откровенность, мисс Грин, — нарушил тишину я. Руки слегка дрожали.

— У меня остался последний вопрос. Я достал из кармана куртки холодный латунный ключ. Металл еще хранил тепло моей ладони. Положил его на протертый до ниток диван перед Кэтрин. Она долго смотрела на него, щурясь, затем взяла двумя пальцами, поднесла к мутным глазам, покрутила. Затем отрицательно покачала головой.

— Даже не могу представить. Никогда такого не видела.

— Благодарим за уделенное время. Вы не против, если мы запишем ваш номер телефона? Вдруг всплывут новые подробности...

— У меня его нет, — резко отрезала Кэтрин, и ключ упал обратно на обивку с глухим стуком. — И телефона нет. Отключили за неуплату. Если что-то надо будет — приезжайте так.

— Здесь сохранилась комната Лины?

— Да. Там, за кухней. Вторая дверь направо. Только не трогайте там ничего, она просила сохранить всё как есть, и я

храню несмотря на то, что... Она осеклась и снова зарыдала.

Комната Лины встретила нас спертым запахом затхло-сти, старых духов и пыли. Плотные шторы цвета индиго были наглухо задернуты, превращая день в сумерки. Очевидно, здесь ничего не менялось с момента выпуска школы — алтарь застывшего времени. Узкая кровать с розовым пледом, письменный стол, заваленный пожелтевшими тетрадями, плакаты групп, названия которых уже стерлись из чартов. Мы методично осмотрели каждый дюйм. Патрик профессионально простучал половицы (ни одна не отозвалась гулким эхом пустоты), проверил обратную сторону картин и дно выдвижных ящиков комода. Я прощупал швы матраса, заглянул за отошедшие обои. Никаких тайников, сейфов или скрытых люков. Ничего, к чему подошел бы этот, старый ключ. На этом мы решили свернуть операцию. Алкогольные пары, витавшие в доме, начинали давить на виски похлеще мигрени. Мы получили информацию первостепенной важности, и теперь ее нужно было переварить в спокойной обстановке.

— Спасибо, мисс Грин. Нам пора.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.